

Парадоксы

Начиная эту рубрику, мне хочется рассказать о самом себе. Моя вера началась с неверия, с неспособности поверить в бесконечность пространства и времени, куда проваливается точка – я. У меня не было тогда понимания, что собственно невыносима материальная бесконечность. Мне исполнилось 16 лет, шел 1934-й год, и ни о какой внутренней бесконечности я не мог прочесть. А если бы прочел, то скорее всего не поверил бы словам. И даже подумал (словами Ленина): опять идеалистические выверты.

Я испугался, что сойду с ума, и запретил себе заглядывать в бездну. Но через четыре года оказалось, что неспособность принять научную картину мира глубоко укоренена в русской литературе. Я нашел ее у Толстого – в "Анне Карениной" и в "Записках сумасшедшего", у Достоевского (в романе "Идиот") и, наконец, у Тютчева.

Тютчев иногда вспоминает Паскаля (который впервые пережил страх звездных пространств). Вопрос о месте человека в бесконечности мучает человечество с тех еще пор. Тут нельзя отделаться переменной идей. Нужно что-то пережить, увидеть. И я пустился в метафизическое странствие. Я сосредоточился на мысли: если бесконечность есть, то меня нет. Если я есть, то бесконечности нет. Три месяца я вертел это в мозгу, почти не обращая внимания на кошмар 1938 года. Я мысленно погружался в черную бездну и ждал чего-то. Наконец блеснул свет и на волне света пришли некоторые мысли, которые показались мне очень важными (на самом деле важно было другое: на дне бездны бессмыслицы есть свет, придающий жизни смысл; а слова, в которые облеклось чувство света, могут быть разные). С этих пор во мне медленно росла и углублялась вера в свет на дне бездны. Я только изредка чувствовал свет, но верил в его реальность, когда света не было. Постепенно чувство света стало связываться со словами "любовь", "вечность", "Бог". Потом все пошатнулось. В 1959 г. на операционном столе умерла моя жена, Ира Муравьева. Когда она умирала, я пережил свой малый апокалипсис: увидел, как небо расколосось и кусками падает на землю. Это было мгновенное, но очень сильное чувство, среди белого дня. Я убежден, что никакой галлюцинации не было. Было другое: метафоризм восприятия. Потом объясню, что это такое. Галлюцинации пришли потом, после смерти Иры; мне удалось их преодолеть через два месяца, в новый год, перед которым три недели я готовился сказать пасынкам: "С Новым годом, с новым счастьем!" Но осталась невозможность принять Бога, без воли которого не падает и волос с головы... Недавно я прочел, что Уайтхед различает три ступени на пути к Богу:

Бог-пустота,
Бог-враг,
Бог-собеседник.

Бог-пустота – примерно то, что называют страхом Божьим. Можно пережить его и без идеи Бога; для меня, как и для верующего Гоголя, страх Божий был началом премудрости. Тьма внешняя, бездна греха, бездна звездных пространств – все это лики Бога-пустоты. И можно называть высший образ просто пустотой – как это делают некоторые буддисты.

Второй ступенью было столкновение образа Бога со смертью Иры. Я не мог принять сознательной воли, затолкнувшей ей тромб в сердце. Зло, царящее где-то, можно принять философски. Но гениальный автор книги Иова сроднил нас с одним человеком, и судьба одного из них до сих пор потрясает. Важен эффект присутствия. Иконников – герой книги Гроссмана – не мог простить Богу коллективизации, Иван Карамазов – судьбу мальчика, затравленного псами. Образ Бога, без воли которого и волос не упадет с головы, был разрушен одной смертью,

30 октября 1959 г.; и крушение неба 28 октября (в день операции) было метафорой этой духовной катастрофы. Я вступил на вторую ступень: Бог-враг (или по крайней мере чужой). Ничего не оставалось, как вернуть Ему билет.

Третья ступень открылась мне в стихотворении Зинаиды Миркиной "Бог кричал". Я был подготовлен всем предыдущим: невозможностью жить без Бога и невозможностью принять Его. Образы страстей все время выплывали в сознании, но как их осмыслить? Вдруг, в погожий летний день 1960 г. я услышал:

Бог кричал. В воздухе плыли
Звуки страшней, чем в тяжелом сне.
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу – по мне.
А кто-то вышел, ветрам открытый,
В мир, точно в судный зал,
Чтобы сказать Ему: Ты инквизитор!
Не слыша, что Бог кричал.
Он выл с искаженным от боли ликом,
В муке смертельной сник.
Где нам расслышать за нашим криком
Бога живого крик?
Нет. Он не миф и не житель эфира, -
Явный, как вал, как гром, -
Вечно стучащее сердце мира,
То, что живет – во всем.
Он всемогущ. Он болезнь оборет, -
Вызволит из огня
Душу мою, или, взыв от боли,
Он отсечет меня.
Пусть,
лишь бы сам, лишь бы смысл Вселенной
Бредя не сник в бреду.
Нет! Никогда не умрет нетленный -
Я
за Него
умру.
З.Миркина

Это было то осмысление, которое мне было нужно. Я сразу почувствовал: Бог вездесущ. Он не сидит на небесном троне, вне страдающей твари; он страдает со всем страданием – и ликует со всей радостью. Каждый из нас, брошенных в пасть смерти, – даже мотылек, обжегший крылья, – оторван Богом от собственного сердца. И судьба Иисуса Христа – знак этого (а вовсе не обещание воскресить во плоти Сталина и Гитлера, а потом снова отправить их в ад).

Потом я прочел книги людей, переживших и понявших больше меня. Но я понимал их, исходя из крупиц моего собственного опыта. И я хотел сразу сделать ясным: сколько крупиц золотого обеспечения в моих толкованиях (в моих банкнотах).